

СКАЗАНИЯ БЕЗЗВУЧНОЙ

КОНЮШЕНКО ЕГОР

18+

Егор Конюшенко
Сказания Беззвучной

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Сказания Беззвучной / Е. Конюшенко — «Автор», 2026

Полукровка Вирэйн, прозванная Беззвучной Тенью, привыкла быть идеальным орудием чужих амбиций. Однако когда заказ на убийство сталкивается с призраком давно забытого прошлого, она нарушает главный закон гильдии — оставляет жертву в живых. Теперь за её головой охотятся те, кто когда-то учил её убивать, а награда за её смерть растёт с каждым днём. В мире, где сталь — единственный аргумент, а жалость — непозволительная роскошь, где та грань, за которой убийца перестаёт быть монстром и становится человеком, если вокруг только хищники?

© Конюшенко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Плачущий ворон	5
Глава 2. Беззвучная Тень	8
Глава 3. Поцелуй Утренней Звезды	13
Глава 4. Стальной капкан	21
Глава 5. Пепельный венец	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Егор Конюшенко

Сказания Беззвучной

Глава 1. Плачущий ворон

Трактир «Плачущий ворон» лепился к склону оврага, точно пьяный, который никак не решится упасть. Крыша из почерневшей дранки, окна мутные, точно бельма на глазах слепой старухи. Внутри пахло прокисшим пивом, сырой шерстью и той особенной безысходностью, что копится в углах заведений, куда не заглядывают без крайней нужды.

Вир'эйн сидела в дальнем углу, спиной к стене — привычка, въевшаяся глубже, чем чернила под кожей. Высокая, гибкая, с пепельными волосами, стянутыми в тугий узел на затылке. Остроконечные уши едва выглядывали из-под капюшона — она не прятала их нарочно, но и не выставляла напоказ. Достаточно того, что любой, кто умел читать следы на эльфийском лице, понимал: эта полукровка видела смерть чаще, чем собственную тень.

Перед ней стояла кружка с элем, к которому она не притронулась. Ждала. Заказчик опаздывал на четверть часа, а Вир'эйн не любила, когда опаздывают. Это пахивало либо неуважением, либо ловушкой. Но аванс, переданный через посредника, был слишком щедр, чтобы уйти не попрощавшись.

Дверь отворилась, впустив порыв сырого ветра и высокого человека в плаще из добротной тёмно-синей шерсти. Он откинул капюшон, обнажив седеющие виски и лицо, которое привыкло распорядиться. Барон Орвин Крейг — она узнала его по описанию, хотя на миниатюре, что ей показывали, он выглядел моложе и увереннее. Сейчас в нём чувствовалась нервозность: желваки на скулах гуляли, взгляд перебегал с одного тёмного угла на другой, пальцы комкали край плаща с такой силой, что побелели костяшки.

Барон заметил её, изобразил на лице приветливую улыбку — слишком широкую, чтобы быть искренней, — и направился к столу, огибая плечистого вышибалу, что дремал, прислонившись к бочке. Вир'эйн не встала, лишь чуть склонила голову, обозначая приветствие. Левая рука под столом лежала на рукояти метательного ножа, закреплённого у бедра.

— Рад, что вы пришли, — заговорил барон, усаживаясь напротив и жестом отсылая подбежавшего трактирщика прочь, даже не взглянув на него. — Признаться, я ожидал кого-то более... гм...

— Мужественного пола? — закончила она ровным, лишённым интонаций голосом. — Или более человеческого?

Крейг замешкался, и это промедление сказало ей больше, чем любые слова. Он ожидал человека и не думал, что эльфийская кровь окажется столь заметной. Вир'эйн усмехнулась одними уголками губ, пододвигая к нему нетронутую кружку. Жест доброй воли. Яд она всегда носила при себе, и никакая кружка ей была не нужна.

— И то, и другое, — признался барон, приняв кружку, но пить не став. — Однако мне рекомендовали вас как лучшую в своём роде. Говорят, вы не оставляете следов. И не задаёте лишних вопросов.

— Второе верно. Первое — зависит от платы.

— Плата вас не разочарует. — Крейг извлёк из внутреннего кармана кожаный мешочек и положил на стол. Мешочек звякнул весомо и глухо. Полновесные золотые кругляши. — Здесь половина. Вторую половину — по исполнению.

Вир'эйн не притронулась к кошельку. Продолжала смотреть на барона, не мигая, точно змея. У неё были глаза цвета бутылочного стекла — тёмные, зеленоватые, с узким вертикаль-

ным зрачком, выдававшим древнюю кровь. Человека такой взгляд нервировал, а ей только того и надо было.

— Цель?

— Торговец. Сайрус Блэквуд. Держит лавку древностей в Нижнем городе, но это лишь прикрытие. — Барон понизил голос, подавшись вперёд. От него пахло мускусным маслом и застарелым страхом. — На самом деле он промышляет запрещёнными артефактами и владеет тайнами, которые угрожают не только моему дому, но и всему королевству.

— Тайны, угрожающие королевству, — повторила она без выражения. — Как удобно. Снимает лишнюю вину с заказчика. Я возьму заказ, барон, но не потому, что верю в ваше благородное негодование. Просто вы платите золотом. Где и когда удобнее всего подобраться к господину Блэквуду?

Крейг оживился, словно только и ждал этого вопроса. Слишком быстро оживился.

— Сегодня. Или завтра. У него особняк на холме Святого Иакова. По ночам охраны почти нет, старый пьяница-сторож да две собаки. Вы ведь справитесь с собаками?

— Сторож тоже будет спать, но уже вечным сном? — уточнила она, взяла наконец мешочек и взвесила в ладони. Золото было настоящим. Не иллюзия, не подделка.

— Это ваша забота, — отрезал барон. — Мне нужен мёртвый Блэквуд и подтверждение. Желательно — его личный амулет, который он никогда не снимает. Золотой диск с гранатовой вставкой. Принесёте амулет — получите остальное.

Вир'эйн спрятала кошель в складках плаща и поднялась. Барон тоже встал, слишком поспешно, словно не мог дожждаться, когда она уйдёт. На мгновение их глаза встретились, и она увидела в его зрачках то, что видела уже сотни раз — липкий, трусливый страх, прикрытый фальшивой властью.

— Я запомнил ваше лицо, — сказал он, пытаясь придать голосу вес.

— Это плохо, — спокойно ответила она, накидывая капюшон. — Моё лицо лучше не запоминать. Если кто-то спросит, вы никогда меня не видели. А если спросят настойчиво — вы уже покойник.

Она развернулась и пошла к выходу. Вышибала у бочки проводил её мутным взглядом и снова закрыл глаза. Уличный холод принял её в свои объятия, просочившись под плащ ледяными пальцами. Где-то в тумане завывала собака, и вой этот больше походил на плач.

Вир'эйн остановилась у коновязи и бросила взгляд на окна трактира. Барон всё ещё стоял у стола, сжимая кружку и глядя в никуда. Он думал, что купил убийцу. Он не знал, что купил свою собственную смерть — просто ещё не пришло время выставлять счёт.

Она улыбнулась без тени веселья и растаяла в тумане, словно никогда не существовала. А уже час спустя стояла в тени векового дуба у подножия холма Святого Иакова и смотрела, как из тумана постепенно проступает особняк — сперва острые шпили башенок, потом конёк крыши, крытый позеленевшей медью, и наконец весь дом обрёл очертания скорбного каменного зверя, припавшего к земле в ожидании добычи. Корни дуба взламывали брусчатку, и Вир'эйн считала удары сердца. Двадцать — сторож у ворот сделал круг, сплюнул, исчез за сторожкой. Тридцать — собаки перестали рычать и занялись кусками мяса, которые она перебрала через ограду четверть часа назад. Мясо было щедро сдобрено снотворным, какое используют коновалы для норовистых жеребцов. Псы уснут до рассвета. Сторож тоже.

Она скользнула к ограде, одним движением перемахнула через увитую плющом решётку и бесшумно приземлилась на гравий. Сторожка, притулившаяся у ворот, встретила её запахом луковой похлёбки и перегара. Старик спал, уронив голову на скрещённые руки, рядом чадила сальная свеча. Вир'эйн задержалась ровно настолько, чтобы подсыпать в его кружку с остатками пошла щепотку серого порошка. Проснётся с головной болью и провалами в памяти. Живой сторож безопаснее мёртвого — мёртвый вызывает вопросы, а пьяный, проспавший смену, просто получит нагоняй. Она не убивала без нужды. Не сегодня. По крайней мере, пока.

Задняя дверь особняка была заперта на тяжёлый засов, но замок оказался старым, ещё прадедовской работы. Три минуты возни с крючком, тихий, точно вздох призрака, щелчок — и дверь подалась. Прежде чем войти, Вир'эйн провела ладонью вдоль косяка, нащупывая нити заклинаний. Ничего. Совсем ничего. Обычно в таких домах ставят хотя бы сигнальные чары, пусть самые дешёвые, от воров и зевак. Отсутствие магии встревожило её больше, чем встретила бы самая хитрая ловушка. Это пахивало приглашением.

Внутри дом дышал запустением. Не тем временным беспорядком, какой оставляет за собой уехавший на пару недель хозяин, а густой, застоявшейся пустотой. Чехлы на мебели покрывала пыль в два пальца толщиной, в углах залов висела паутина, тяжёлая от влаги. Шаги Вир'эйна не издавали ни звука — она двигалась по-эльфийски, ставя ногу с пятки на носок, но даже этот бесшумный ритм казался здесь кощунством. Парадная лестница вела наверх, однако чутьё вело её иначе: сначала кабинет. Если Блэквуд и жил здесь когда-то, то спальня наверняка пуста, а вот бумаги, записи, тайники — всё это должно быть в рабочей комнате.

Кабинет нашёлся в конце коридора, за дубовой дверью с бронзовой ручкой. Дверь не скрипнула. В кабинете царил всё тот же слой пыли, но камин оказался недавно разобран — зола лежала горкой, а среди углей белел обрывок пергамента. Вир'эйн подняла его кончиками пальцев, вчиталась в уцелевшие строчки: «...срочно покинуть дом, повторяю, срочно...» — и ниже дата почти месячной давности. Месяц. Ровно столько, сколько барон расписывал ей злодеяния Блэквуда, его тайные делишки и опасность, которую он представляет для королевства. Которую представляет. Настоящее время. Ложь.

Она опустила обрывок в карман и развернулась. Пора уходить. Сейчас же.

В коридоре горел свет. Не тот лунный, что сочился сквозь немые окна, а живой, жёлтый, колышущийся — пламя факелов. Их было несколько. Вир'эйн замерла на пороге кабинета, опуская руку на рукоять короткого клинка. Сердце ударило быстрее, но разум оставался холоден. В конце коридора, там, где лестница спускалась в холл, стояли трое. Ещё двое — она ощутила их спиной, в боковом проходе, ведущем из кухонного крыла. Всего пятеро. Нет, шестеро. Шестой стоял впереди, опираясь на длинный меч, и глядел прямо на неё.

Седые волосы, стянутые в хвост. Лицо, которое не старело, а скорее высыхало, обтягивая череп дублёной кожей. Старый шрам через левую бровь, делавший взгляд вечно насмешливым. Доспех облегчённый, кожаный, подогнанный по фигуре так, что не скрипнет ни одна пряжка, — такие доспехи носят только те, кто знает, что в бою лишний звук стоит жизни. Ветеран. Опасный. Тот, кому не нужны ни показная жестокость, ни громкие слова.

Гарет.

Глава 2. Беззвучная Тень

— Далеко собралась, эльфочка? — спросил он, и голос его оказался на удивление мягким, почти дружелюбным. — У нас тут приличный дом. Принято хотя бы поздороваться, прежде чем уходить.

Вир'эйн не ответила. Оценивала расстояния, углы, количество противников. Трое впереди, двое сзади. Шестой стоял в тени, у подножия лестницы, прижимая к плечу арбалет. Болт уже наложен. Выстрелит, едва она сделает шаг. Наёмники подобраны с умом: у двоих — посеребрённые клинки, которые, как известно, прожигают эльфийскую плоть быстрее обычной стали. У того, что справа, на поясе висел набор метательных ножей, смазанных чем-то маслянисто-чёрным. У того, что слева, на запястье мерцал амулет — гаситель магии, не очень мощный, но достаточный, чтобы оборвать простое заклинание. Ждали именно её. Готовились.

— Меня зовут Гарет, — продолжал ветеран, не дождавшись ответа. — Моих ребят можешь не запоминать, всё равно с ними уже не познакомишься по-настоящему. А вот тебя я знаю. Беззвучная Тень. Хорошая кличка. В гильдии тебя хвалили. Говорили, работаешь чисто. Жаль, что последняя работа выйдет грязной.

Она наконец заговорила. Медленно, с ленцой, будто они обсуждали цены на зерно, а не её скорую смерть.

— Сайрус Блэквуд. Где он?

Гарет усмехнулся. Шрам на брови дёрнулся.

— А ты сообразительная. Уже поняла, что кровать пуста, а камин остыл месяц назад. Да, Блэквуд мёртв. Давно. Твой барон его и прикончил. Сайрус знал кое-что лишнее о его сиятельстве, вот и поплатился. А заодно послужил наживкой. Крейг решил, что наёмница, которая слишком много знает о его делах, ему не нужна. Проще заказать новую ищейку и подставить под удар сразу двоих. Ты — вторая.

Вир'эйн перевела дыхание. Ошибка. Не первая в её жизни, но эта могла стать последней. Она слишком доверилась золоту. Слишком легко поверила в байку о благородном негодовании. Старая истина: никогда не доверяй тому, кто платит больше, чем стоит работа. А она забыла. Или не захотела помнить.

— Я всё ещё могу уйти, — сказала она ровно. — Никто не пострадает. За исключением, возможно, твоих людей, если они преградят мне путь.

— Не можешь, — Гарет покачал головой с искренним сожалением. — За тебя заплачено. Мы — люди чести. Заказ есть заказ. Не выполним — потеряем репутацию. Сама понимаешь.

— Понимаю.

Она вытащила клинок. Медленно, чтобы они видели каждое движение. В левой руке тускло блеснула вторая сталь — короче, с зазубринами у гарды, предназначенными ловить вражеское лезвие. Арбалетчик на лестнице чуть приподнял оружие. Гарет вздохнул и тоже поднял меч, положив его на плечо, точно усталый дровосек топор.

— Не дури, эльфочка. Шестеро против одной. Серебро, антимагия, болт в сердце прежде, чем ты моргнёшь. Сдай оружие, и я обещаю быструю смерть. Чистый удар. Даже не почувствуешь.

— Шестеро против одной, — повторила Вир'эйн, и в зелёных глазах мелькнуло что-то, от чего у стоящего ближе всех наёмника дрогнули пальцы на рукояти. — Когда будешь рассказывать об этом в аду, не забудь упомянуть, что у меня были связаны руки. Ах да, у меня их нет.

Она качнулась вперёд, но вместо шага резко присела и метнула горсть золы и пыли, подхваченную с пола мгновением раньше, — прямо в лица стоящих впереди. Факелы погасли разом, словно захлебнувшись. И в наступившей темноте запела сталь.

Вир'эйн не ждала, пока глаза наёмников привыкнут к мраку. Она сама стала этим мраком.

Первого, того, что стоял справа с метательными ножами, она убила ещё до того, как он понял, что факел погас. Клинок вошёл под челюсть, снизу вверх, пробив нёбо и достигнув мозга. Наёмник рухнул, не издав ни звука, только звякнули ножи, рассыпавшись по каменному полу. Вир'эйн уже сместилась левее, туда, где дышал второй, тот самый, с амулетом-гасителем. Он успел вскинуть руку, активируя защиту, и амулет полыхнул бледно-голубым — но гасить было нечего. Она не колдовала. Она просто перерезала ему горло коротким зазубренным клинком, который держала в левой руке, и толкнула тело вперёд, на соседа.

— Свет! — рявкнул Гарет. — Дайте свет, мать вашу!

Кто-то высек искру, кто-то вырубил огниво, но пламя занялось не сразу. Драгоценные мгновения. Вир'эйн использовала каждое. Тело с перерезанным горлом врезалось в третьего наёмника, сбilo его с ног, и она прыгнула сверху, пригвоздив обоих к полу одним длинным выпадом. Сталь хрустнула о позвоночник. Три.

Арбалетчик на лестнице выстрелил наугад. Болт вжикнул в дюйме от её уха и вонзился в дверной косяк с такой силой, что задрожало дерево. Она метнулась в сторону, перекатилась через плечо и оказалась прямо под люстрой. Тяжёлая кованая люстра на двенадцать свечей, цепь, уходящая в темноту потолка, противовес, спрятанный за дубовой балкой. Вир'эйн знала этот тип особняков: в старых домах люстры крепили так, чтобы слуги могли опускать их для зажигания свечей. Механизм прост, как дверной засов, — стопорный штифт, удерживающий цепь.

Она ударила по штифту рукоятью ножа. Раз, другой. Штифт заскрежетал, подался, вылетел из паза. Цепь размоталась с воем ржавого железа, и люстра рухнула вниз, туда, где как раз поднимались на ноги четвёртый и пятый наёмники, те, что заходили из кухонного крыла. Удар был страшен. Металл крушил кости, гасил крики, разбрасывал тела, точно тряпичные куклы. Свечи покатались по полу, и одна из них подожгла край пыльного гобелена. Язык пламени лизнул стену, осветив коридор дрожащим оранжевым светом.

В этом свете Вир'эйн увидела Гарета. Старый ветеран стоял в десяти шагах, прикрываясь длинным мечом, и на лице его не было страха. Только холодная, расчётливая ярость. Он не бросился на неё сломя голову, не закричал, не выругался. Он ждал. Оценивал. Просчитывал. Такой противник был опаснее всех предыдущих, вместе взятых.

— Пять, — произнёс он спокойно, будто подводил итог партии в кости. — За пять ударов сердца. А говорили, Беззвучная Тень — это просто прозвище.

— Это предупреждение, — ответила она, не опуская клинков. Кровь стекала с лезвий, капала на камень — чужая кровь, горячая, густая. Арбалетчик на лестнице лихорадочно перезаряжал оружие, но она уже знала: не успеет. Болт ляжет мимо. — Ты сказал, шестеро против одной. Теперь нас двое. Или ты предпочтёшь уйти?

Гарет усмехнулся. В свете горящего гобелена его шрам казался багровым, точно свежая рана.

— Не могу. Честь, помнишь? — Он перехватил меч обеими руками, принимая низкую стойку. — К тому же ты убила моих парней. Хороших парней. Семейных, между прочим.

— Они знали, на что шли.

— Как и ты.

Он двинулся на неё — не быстро, но и не медленно, ровно с той скоростью, которая не оставляет времени на раздумья. Первый выпад Вир'эйн отразила коротким клинком, отведя лезвие в сторону, второй встретила длинным, но Гарет оказался быстрее, чем она ожидала. Его меч описал короткую дугу и едва не достал её плечо — она ушла перекатом, ощутив, как воздух расступается перед сталью. Старик был хорош. Очень хорош.

Арбалетчик наконец перезарядил и вскинул оружие, но не выстрелил — боялся задеть своего командира. Вир'эйн использовала это. Она резко сократила дистанцию, заставив Гарета

отступить на шаг, а потом ещё на шаг, пока его спина не упёрлась в стену. На мгновение его лицо оказалось прямо напротив её лица. Она увидела расширенные зрачки, бисеринки пота на висках, судорожно дёрнувшуюся жилку на шее.

— Ты сказал, меня заказали, — прошептала она. — Кто?

— Барон Крейг, — выдохнул Гарет и попытался ударить её лбом в переносицу.

Она ждала этого. Ушла в сторону, пропуская его голову мимо, и одновременно полоснула коротким клинком по бедру — туда, где кожаный доспех оставлял открытой подколенную впадину. Сухожилие лопнуло с влажным треском. Гарет взревел, осел на одно колено, но меч не выронил. Попытался рубануть её по ногам, снизу вверх, — она перепрыгнула лезвие, точно играючи, и приземлилась ему за спину.

— Крейг, — повторила она, заламывая его руку с мечом так, что кости захрустели в суставе. — Зачем? Я не знала ничего лишнего.

— Знала бы, — прохрипел Гарет, роняя меч. — Ты же наёмница. Рано или поздно ты бы выяснила, что он сделал с Блэквудом. А потом пришла бы за ним. Или за деньгами. Или просто из профессионального любопытства. Он решил не ждать.

Арбалетчик на лестнице выстрелил. Вир'эйн дёрнула Гарета вверх, прикрываясь им, как щитом. Болт вошёл ветерану в плечо, пробил кожу и вышел с другой стороны. Гарет застонал, но не закричал. Она толкнула его на пол и одним прыжком преодолела расстояние до лестницы. Арбалетчик, отчаянно пытавшийся наложить новый болт, даже не успел поднять голову. Удар длинным клинком отсек тетиву, второй, коротким, — вскрыл сонную артерию. Он сполз по перилам, оставляя на дереве широкую алую полосу.

В коридоре воцарилась тишина, нарушаемая лишь треском горящего гобелена и хриплым дыханием Гарета. Вир'эйн вернулась к нему, присела рядом. Ветеран лежал на спине, глядя в потолок, и кровь толчками вытекала из раны в плече.

— Ты проиграл, — сказала она без злорадства.

— Заметил, — просипел он. — Но ты всё равно покойница. Барон не остановится. Пошлёт других. Больше. Лучше.

— Барон — мертвец. Просто ещё не знает об этом.

Она подняла его меч — добрую сталь, без серебра, но отличнойковки — и одним точным движением оборвала его мучения. Гарет вздохнул в последний раз и затих, уставившись в темноту мёртвыми, уже ничего не видящими глазами.

Вир'эйн выпрямилась. Пламя с гобелена перекинулось на балку, и огонь весело побегал по сухому дереву. У неё было не больше десяти минут, прежде чем особняк превратится в погребальный костёр для шестерых наёмников. Она наклонилась над телом Гарета и начала обыск. Методично. Спокойно. Как делала уже сотни раз. В правом кармане — горсть серебряных монет, в левом — складной нож с костяной рукоятью, неплохой. На груди, под доспехом, — кожаный кисет, а в нём, среди трута и огнива, — сложенный вчетверо пергамент.

Она развернула его. Почерк принадлежал человеку, который привык, чтобы его приказы исполнялись, — жёсткие, угловатые буквы, резкие росчерки пера, точно следы когтей. «Гарету. Как только эльфийка прикончит Блэквуда — устранить её. Свидетели мне не нужны. Заплатчу вдвое против уговорённого. Крейг».

Ниже — восковая печать с гербом: скрещённые мечи над волчьей головой. Тот самый герб, что красовался на перстне, который барон носил на указательном пальце левой руки. Вир'эйн вспомнила, как этот перстень блеснул в свете сальной свечи, когда Крейг придвигал к ней кружку с элем. Лживая улыбка, фальшивое добродушие, кошелек с золотом — приманка, которую она проглотила, точно голодная щука.

Она сжала пергамент в кулаке. Не разорвала. Сохранит. Пригодится.

Тела других наёмников она обобрала с той же деловитой тщательностью. Метательные ножи — хорошая сталь, лёгкая, сбалансированная для броска. Амулет-гаситель — бесполезен,

но выглядит дорого, антиквар даст за него десяток-другой золотых. Два кошелька, кольца, пара неплохих сапог с убитого арбалетчика — она стянула их, потому что свои уже порядком износились. Доспехи не брала — слишком тяжелы, слишком заметны. Она не мародёрствовала, она пополняла арсенал. Разница существенная, по крайней мере, так она себе говорила.

У выхода из особняка, когда дым уже заполнял коридоры, а пламя лизало потолочные балки, она остановилась и оглянулась. Шесть тел. Шесть человек, которые знали, на что шли. Она не испытывала ни жалости, ни торжества — только холодную, расчётливую усталость, какая приходит после хорошей работы. И ещё — тихую, тлеющую под сердцем ярость, которой только предстояло разгореться.

Вир'эйн сунула руку в потайной карман, туда, где в крошечном флаконе из горного хрусталя покоилась одна-единственная капля. «Поцелуй Утренней Звезды». Редкий яд, извлекаемый из желез ночных гадюк, что водятся только на болотах восточных княжеств. Пять лет назад она получила его в уплату за убийство одного чародея, который слишком увлёкся некромантией. Все эти пять лет яд ждал своего часа. И час этот, кажется, настал.

Она улыбнулась в темноту. Улыбка вышла недоброй.

Сторож у ворот по-прежнему спал, уткнувшись носом в скрещённые руки. Собаки похрапывали у конуры, и сны их были безмятежны. Вир'эйн перемахнула через ограду и растворилась в предрассветном тумане — беззвучная, безымянная, несущая под плащом чужую смерть и собственную, тщательно скрываемую ярость.

Особняк на холме догорал за её спиной, и оранжевое зарево отражалось в низких, набухших дождём облаках, когда она устроилась под старым каменным мостом через Овражий ручей. Даже в четверти лиги от пожарища воздух пах гарью и горящим деревом. Городская стража, конечно, скоро заметит. Начнут гасить, тушить соседние дома, искать виновных — и не найдут. К тому времени, как первый капитан поднимется на холм, от особняка останутся обугленные стропила и шесть тел, которые уже никому ничего не расскажут. Вир'эйн знала эту породу людей: стража предпочтёт списать всё на ограбление, пошедшее не по плану, и закрыть дело до следующего пожара. Никто не будет искать эльфийку с пепельными волосами. Никто не свяжет смерть Гарета с бароном.

Она сидела на корточках в неглубокой нише, выгрызенной водой в берегу, — достаточно широкой, чтобы укрыться от ветра и чужих глаз. Здесь пахло тиной, мокрым мхом и крысиным помётом, но ей было плевать. Убежище есть убежище. Хуже бывали. Намного хуже.

Разложив перед собой трофеи на обрывке плаща, снятого с убитого арбалетчика, она проводила инвентаризацию. Шесть метательных ножей — три с чёрным напылением, ядовитым, судя по характерному маслянистому блеску, три обычных, но отличной балансировки. Ножи она протёрла промасленной тряпичкой и рассовала по креплениям на поясе и в сапогах. Амулет-гаситель магии — серебряный диск с мутным сапфиром, стойивший, наверное, не меньше полусотни золотых у хорошего скупщика, — спрятала в потайной карман. Кошельки убитых дали в сумме тридцать семь золотых, горсть серебра и медяков — не состояние, но на ближайшие месяцы хватит. Кольца, браслеты, нательный медальон одного из наёмников — всё это отправилось в кожаный мешок к амулету.

Отдельно она положила вещи Гарета. Складной нож с костяной рукоятью — на лезвии выгравированы инициалы «Г.Д.», явно не его собственные. Трофей с прошлого заказа. Добротная сталь, возьмёт себе. Кошелёк ветерана был самым тощим — всего пять золотых и мятая бумажка с адресом какой-то вдовы в Нижнем городе. «Должен Марте за квартал», — значилось на обороте. Значит, у Гарета была женщина. Или была когда-то. Вир'эйн аккуратно сложила бумажку и убрала обратно в кошелёк. Вдова получит свои деньги. Возможно. Если ей не помешает то, что она собралась сделать дальше.

Наконец она взяла в руки то, ради чего, собственно, и обыскивала Гарета с такой тщательностью. Перстень. Тяжёлое золото, старинная работа, волчья голова с крошечными руби-

новыми глазами. Герб дома Крейгов — скрещённые мечи над оскаленной пастью. На внутренней стороне ободка — гравировка, почти стёршаяся от времени: «Крейг. Верность. Кровь». Она повертела перстень в пальцах. Барон носил такой же на левой руке, она помнила это отчётливо. Фамильная вещь. Дорогая. Узнаваемая. Если она явится в замок с этим перстнем, её либо пропустят без лишних вопросов, либо сразу схватят — в зависимости от того, насколько хорошо стража знакома с украшениями своего хозяина. Риск. Но риск был её ремеслом.

Рядом с перстнем легла записка. Она перечитала её ещё раз, хотя слова уже врезались в память, точно выжженные калёным железом. «Как только эльфийка прикончит Блэквуда — устранить её. Свидетели мне не нужны». Почерк барона. Его печать. Его стиль — грубый, прямой, лишённый даже намёка на хитрость. Крейг не был сложным человеком. Он был трусом, который нанимал одних убийц, чтобы убрать других, и считал это вершиной коварства. Мелкий, жадный, напуганный зверёк, вообразивший себя волком.

— Ты ошибся, барон, — прошептала она в темноту. — Нельзя заказать Тень.

Она смяла записку, но снова не выбросила. Оставила. Комок пергамента отправился в тот же карман, что и обрывок из кабинета Блэквуда. Две улики. Два доказательства того, что её хотели убить. Когда-нибудь она предъявит их — возможно, гильдии, возможно, самому барону перед тем, как он содохнет. Она ещё не решила, что доставит ей больше удовольствия.

Из потайного кармана на груди она извлекла крошечный флакон. Горный хрусталь, огранённый в форме слезы, и внутри — одна-единственная капля. В лунном свете яд казался расплавленным серебром, но она знала его истинный цвет — прозрачный, как родниковая вода, с едва уловимой голубоватой искрой. «Поцелуй Утренней Звезды». Пять лет назад его отдал ей умирающий чародей в обмен на быструю смерть — она как раз пробила ему лёгкое и ждала, пока он нахрипится. «Забери, — просипел он тогда, пуская кровавые пузыри. — Ты ещё не знаешь, для кого его бережёшь, но этот кто-то обязательно появится. У таких, как ты, всегда появляется». Чародей оказался прав. У таких, как она, всегда появляется.

Яд действовал просто: попадая в кровь, он заставлял мышцы сокращаться с такой силой, что человек ломал себе кости. Сперва — пальцы, потом рёбра, потом челюсть, позвоночник. Жертва умирала в позе эмбриона, скрюченная, неестественная, похожая на раздавленного паука. Противоядия не существовало, по крайней мере, чародей его не назвал. Вир'эйн это устраивало. Она не любила оставлять шансы.

Она убрала флакон обратно и достала из мешка маленькое зеркальце в медной оправе — тоже трофеей, снятый с одного из наёмников. В мутном отражении на неё глянуло лицо, которое барон Крейг уже видел: пепельные волосы, острые скулы, зелёные глаза с вертикальным зрачком. Такое лицо запоминается. Значит, придётся менять.

Грим она всегда носила при себе — в плоской жестяной коробочке, выданной когда-то старой полукровкой-театралкой, которая учила её искусству перевоплощения. Карандаш для бровей, пудра, чтобы затемнить или осветлить кожу, восковые вставки, меняющие форму носа и скул, и особый состав из толчёного мела с яичным белком, стягивающий кожу и скрывающий эльфийскую костную структуру. Если добавить парик — а парик у неё был, чёрный, из конского волоса, — получится другая женщина. Человеческая женщина. Бледная аристократка, которая никогда не держала в руках ничего тяжелее веера.

Она принялась за работу, глядя в зеркальце и двигая пальцами с отточенной годами сноровкой. Сперва — восковые вставки под скулы, чтобы лицо стало круглее, мягче. Затемнение век, подводка, меняющая разрез глаз. Мел с белком лёг на кожу маской — холодный, стягивающий, превращающий эльфийскую хищность в бледную человеческую усталость. Парик она надела последним, аккуратно заправив под него собственные волосы. Из зеркала глядела незнакомка — худая, нервная, с тёмными кругами под глазами и поджатыми губами. Женщина, которая много пережила, но ничего не добилась. Просительница. Идеально.

Глава 3. Поцелуй Утренней Звезды

Затем она вынула из мешка платье. Платье она купила три дня назад на рынке, когда ещё только готовилась к охоте на Блэквуда, — простое, тёмно-серое, из добротной шерсти, ни слишком богатое, ни слишком бедное. То, что носят обедневшие купчихи и вдовы мелких чиновников. Оно пахло нафталином и чужой жизнью. Переодевшись, она спрятала свой дорожный костюм и кольчугу из тонких стальных колец в заплечный мешок. Сверху легли трофеи. Мешок она забросила в нишу под мостом, привалив сверху камнем, — вернётся, когда всё закончится. Если закончится.

К рассвету оставалось часа два, не больше. Самое глухое время, когда даже стража клюёт носом, а замковые ворота охраняют самые сонные и нерадивые караульные. Вир'эйн поднялась, расправила плечи, проверяя, как сидит платье. К поясу, под плотной шерстью, она прикрепила два метательных ножа — на всякий случай. Флакон с ядом перекочевал в рукав, в специальный потайной кармашек, откуда его можно было извлечь одним движением пальцев. Перстень Гарета она надела на правую руку, поверх перчатки, так, чтобы он бросался в глаза.

Она вышла из-под моста и двинулась по руслу ручья, прочь от зарева, прочь от холма Святого Иакова, туда, где на другом конце города высились башни замка Крейгов — приземистые, угловатые, построенные ещё в те времена, когда архитекторы думали о стрелах и осадных лестницах, а не о красоте. В окнах горел свет. Барон не спал. Ждал вестей от Гарета. Или просто мучился бессонницей — трусы часто не спят по ночам, прислушиваясь к каждому скрипу половиц.

— Ничего, — прошептала она, перебирая в пальцах флакон. — Скоро ты уснёшь. Крепко. Навсегда.

Туман клубился у её ног, скрадывая шаги. Где-то вдалеке завывала собака — может быть, та самая, что спала у конуры Блэквуда, а может быть, совсем другая. Вир'эйн улыбнулась одними губами и растаяла в белесой мгле, как исчезает под водой след от брошенного камня. А когда она вынырнула из этого молочного марева, перед ней уже вставал замок Крейгов — во всей своей угрюмой красе.

Он стоял на скалистом уступе над рекой, вгрызаясь в камень фундаментом, точно старый хищник, который давно потерял зубы, но всё ещё помнил вкус крови. Построенный в эпоху, когда бароны воевали друг с другом чаще, чем пили вино, он походил на каменный кулак, выставленный в сторону соседей: приземистый донжон, толстые стены, узкие бойницы, из которых и через сотню лет не выветрился запах кипящей смолы. С годами к замку пристроили флигель с большими окнами и башенку с флюгером в виде вздыбленного волка — дань архитектурной моде минувшего столетия. Но даже эти украшения не могли скрыть главного: замок строили для войны, и война до сих пор жила в его стенах, как застарелая плесень.

Вир'эйн подходила к воротам пешком, медленно, слегка приволакивая правую ногу — не настолько, чтобы это бросалось в глаза, но достаточно, чтобы вызвать сочувствие. Под тёмно-серым платьем она заранее перетянула бедро полоской ткани, чтобы походка казалась скованной. Хромота делает женщину беззащитной в глазах мужчин. Беззащитную не боятся. Не боятся — теряют бдительность. Старая истина, проверенная сотню раз.

Рассвет ещё не наступил, но небо на востоке уже серело, и факелы у ворот начали коптить, выбрасывая в промозглый воздух жирные струи дыма. Двое стражников в кольчугах, надетых поверх засаленных стёганок, топтались у опущенной решётки. Один зевал, прикрывая рот латной рукавицей, второй лениво перебирал костяные чётки, отсчитывая молитвы или, может, долги. Оба выглядели так, словно служба у барона Крейга была худшим, что случилось с ними после рождения.

— Стоять! — окликнул её тот, что с чётками, и осёкся, разглядев одинокую женщину. — Куда в такую рань, госпожа? Замок закрыт до восьми склянок.

— У меня срочное дело к его сиятельству, — проговорила она голосом, который сочился усталостью и плохо скрываемой тревогой. Голос был на полтона выше её обычного, с лёгкой хрипотцой, будто она провела бессонную ночь в дороге. — Дело, не терпящее отлагательств. Речь идёт о жизни и смерти. И о деньгах. Барон поймёт, если вы ему передадите.

Стражник с чётками переглянулся с напарником. Тот пожал плечами и сплюнул сквозь зубы.

— Все так говорят, — буркнул он. — «Срочно», «жизнь и смерть», «барон поймёт». А барон потом орёт, зачем пустили всякую...

— У меня есть это, — перебила Вир'эйн и медленно, чтобы не спровоцировать стражу на резкие движения, стянула с правой руки перчатку.

На пальце блеснул перстень с волчьей головой. Рубиновые глаза хищно сверкнули в свете факелов. Перстень Гарета. Вернее, перстень Крейга, переданный Гарету для опознания, а теперь перекочевавший на руку эльфийки, которую этот перстень должен был обречь на смерть. Маленькая, злая ирония — из тех, что она особенно ценила.

Стражник с чётками подался вперёд, взгляделся. Глаза его расширились.

— Семейная печать, — выдохнул он и тут же вытянулся, точно аршин проглотил. — Простите, госпожа, сразу не признал. В такой темноте разве разглядишь...

— Ничего страшного. — Она натянула перчатку обратно, пряча перстень. — Ты хорошо несёшь службу. Барон оценит. А теперь проводи меня к нему. Или к управляющему. Только быстро. Время не ждёт.

Стражник кивнул, толкнул напарника локтем и заорал куда-то в темноту:

— Эй, Рыжий! Открывай решётку! Госпожа к барону!

Решётка поползла вверх, скрежеща несмазанными цепями. Вир'эйн шагнула под арку, и холодный камень накрыл её тенью. Внутренний двор встретил запахом конского навоза, прелой соломы и жареного мяса, доносившимся из кухонного флигеля. Замок просыпался: где-то хлопнула дверь, загремели вёдра, конюх выводил из стойла гнедого жеребца, и тот прыдал ушами, пугаясь собственной тени.

К ней уже спешил управляющий — тощий, как жердь, мужчина в тёмном камзоле, с лицом, напоминавшим печёное яблоко, из которого торчал длинный острый нос. Седые волосы были зализаны на пробор с такой тщательностью, словно он каждое утро боролся с ними насмерть. Звали его, как она знала из расспросов в городе, Олдвин Крипис, и служил он дому Крейгов уже три поколения — достаточно, чтобы считать замок своей собственностью, а всех гостей — личными врагами.

— Доброе утро, госпожа... — начал он, цепким взглядом ощупывая её с головы до ног.

— Валери, — подсказала она, назвав первое пришедшее в голову имя. — Валери Корнвэй. Моё имя вряд ли что-то скажет его сиятельству, но вот это... — она показала перстень, не снимая перчатки, лишь чуть приподняв её край, — скажет многое.

Олдвин нахмурился. Глаза его сузились, и Вир'эйн поняла: он узнал перстень. Но то, что он узнал, ему не понравилось. Он знал, что барон отдал этот перстень Гарету. Знал, что Гарет сейчас должен быть на холме Святого Иакова. И появление незнакомой женщины с этим перстнем в столь ранний час могло означать только одно: что-то пошло не по плану.

— Его сиятельство ещё не принимает, — сухо сказал управляющий. — Он провёл тяжёлую ночь и...

— Его сиятельство сам назначил эту встречу, — перебила она, добавив в голос стали. — И будет крайне недоволен, если узнает, что меня задержали в прихожей, пока время утекает. Или вы хотите лично объяснить барону, почему срочное известие дошло до него только к обеду?

Олдвин поджал губы. С одной стороны — риск навлечь гнев хозяина за то, что впустил незнакомку. С другой — риск упустить нечто важное и тоже навлечь гнев хозяина. Он выбрал то, что казалось безопаснее здесь и сейчас.

— Следуйте за мной, госпожа Корнвэй, — процедил он, разворачиваясь. — Но предупреждаю: если ваше дело окажется недостаточно срочным, барон будет в ярости. А в ярости он... непредсказуем.

— Я тоже, — тихо ответила Вир'эйн, но так, что управляющий не расслышал.

Они вошли в донжон. Внутри замок выглядел так же угрюмо, как и снаружи. Голые каменные стены, увешанные выцветшими гобеленами, на которых сцены охоты и рыцарских турниров поблекли до неразборчивых пятен. Вдоль коридора стояли пустые доспехи, и в пролётах шлемов гнездилась паутина. Факелы на стенах чадили, свет их колебался, заставляя тени плясать на камне. Запах плесени и старого дыма пропитал каждый камень.

Они поднялись по винтовой лестнице. Вир'эйн считала шаги, повороты, запоминала, где стоят стражники. У башни с флюгером — один, полусонный, в кольчуге на голое тело. У дверей в покои — ещё один, бодрствующий, с алебардой. Этот проводил их долгим изучающим взглядом. Профессионал. Таких она вычисляла сразу. Если дойдёт до драки, этого придётся убрать первым.

Олдвин остановился перед высокой дубовой дверью, окованной железными полосами. Из-под двери пробивался свет — барон не спал. Управляющий постучал три раза, с паузой после второго удара, и, не дожидаясь ответа, приоткрыл створку.

— Ваше сиятельство, — произнёс он в щель. — Простите за беспокойство, но к вам посетительница. Говорит, срочно. При ней... — он замаялся, подбирая слова, — ваш перстень.

Повисла пауза. Долгая. Такая, что слышно было, как потрескивают свечи по ту сторону двери. Вир'эйн стояла неподвижно, чуть опустив голову и ссутулив плечи — идеальный образ робкой просительницы. Но под платьем каждая мышца была напряжена, готовая к броску.

— Пусть войдёт, — раздался наконец голос барона. Голос был хрипловат, с тем особым оттенком, какой бывает у человека, который провёл ночь без сна, заливая тревогу вином. — И оставь нас.

Олдвин распахнул дверь и отступил в сторону, пропуская её. Вир'эйн шагнула через порог. Дверь за спиной закрылась с глухим, тяжёлым стуком, отрезав её от коридора, от стражи, от путей к отступлению. Она оказалась в логове зверя. И зверь сидел прямо перед ней — усталый, настороженный, сжимающий в руке серебряный кубок с остатками вина.

Барон Орвин Крейг выглядел хуже, чем при их первой встрече. Под глазами залегли тени, щёки обвисли, ворот рубахи был растёгнут небрежно, обнажая седую поросль на груди. На столе перед ним лежали разбросанные бумаги, стоял потухший канделябр и оплывшая свеча. Пахло вином, воском и тем особым запахом застарелого страха, который не мог заглушить даже дорогой можжевелевый аромат, курившийся из жаровни в углу.

— Госпожа... — начал он, поднимаясь из-за стола. Взгляд его скользнул по её лицу, одежде, и ни одна искра узнавания не промелькнула в воспалённых глазах. — Мне сказали, у вас мой перстень. Любопытно. Я отдал его одному человеку, который сейчас должен быть совсем в другом месте. И этот человек — не вы.

Вир'эйн выпрямилась. Плечи расправились, подбородок приподнялся, и вся её фигура неуловимо переменялась — исчезла робкая просительница, и на её месте возникла хищница, которую до поры прятала серая шерсть платья.

— Человек, которому вы отдали перстень, мёртв, — сказала она своим настоящим голосом — низким, холодным, лишённым притворной хрипотцы. — Как и все его люди. Особняк Блэквуда сгорел. Ваш заказ не выполнен. И вы, барон, кое-что мне задолжали. Но не золото. Кое-что другое.

Барон замер. Кубок в его руке дрогнул, и несколько тёмных капель упало на столешницу, расплываясь по бумагам кровавыми кляксами. Он смотрел на неё с ужасом, который пытался — и не мог — скрыть за яростью.

— Ты... — выдохнул он.

— Я, — подтвердила Вир'эйн и сделала шаг вперёд. — Доброе утро, ваше сиятельство. Кажется, у нас с вами незаконченное дело.

Барон стоял у стола, вцепившись в кубок так, что побелели костяшки, и смотрел на неё с тем особым выражением, какое бывает у человека, увидевшего собственную смерть. Не ту, что мерещится в кошмарах, — размытую, далёкую, которую можно отсрочить молитвой или золотом, — а вполне осязаемую, стоящую в трёх шагах, в сером шерстяном платье, с холодной улыбкой на бледных губах. Он узнал её. Наконец-то. Несмотря на парик, несмотря на воск и пудру, он узнал этот взгляд — зелёный, с узким вертикальным зрачком, взгляд змеи, которая уже загнала добычу в угол.

— Ты... — выдохнул он повторно, и голос его сорвался на свистящий шёпот. — Этого не может быть. Гарет...

— Гарет передаёт извинения, — перебила Вир'эйн. Она неторопливо стянула перчатку с правой руки и показала перстень — тот самый, с волчьей головой, — прежде чем швырнуть его на стол. Перстень покатился по столешнице, звякнул о серебряный подстаканник и замер. — У него возникли неотложные дела в ином мире. Как и у всех его людей. Шестеро, барон. Шестеро хороших бойцов. Вы могли бы нанять дюжину, и результат был бы тем же. Просто дюжина обошлась бы вам дороже.

Крейг судорожно дёрнул ворот рубахи, будто тот душил его. Кадык заходил вверх-вниз по горлу, точно поплавок в шторм. В камине треснуло полено, выбросив сноп искр, и барон вздрогнул всем телом. Пахло страхом — кислым, едким, перебивающим даже можжевеловый дым из жаровни. Вир'эйн знала этот запах. Она чужала его так же отчётливо, как гончая чует подраненного зайца.

— Подожди, — заговорил он быстро, выставив перед собой ладонь, точно этот жалкий жест мог её остановить. — Подожди. Я заплачу. Втрое. Впятеро. Назови цену. Я богат, ты знаешь. Замок, земли, золото — всё, что пожелаешь. Хочешь поместье? Я подарю тебе поместье. Хочешь титул? Я похлопочу перед герцогом. Только не...

— Не что? — Она склонила голову набок, разглядывая его с ленивым, почти кошачьим интересом. — Не убивай тебя? А ты сам — ты собирался оставить меня в живых, барон? Ты дал мне аванс и тут же нанял Гарета. Двойное предательство. Даже по меркам твоей породы это перебор.

— Я испугался! — выкрикнул он, и в крике этом было больше злости на самого себя, чем мольбы о пощаде. — Ты бы выяснила. Рано или поздно выяснила бы, что я сделал с Блэквудом. И пришла бы за мной. Я должен был защититься. Должен был обезопасить себя. Это не личное.

— Для меня — личное, — отрезала она. — Ты хотел меня убить. Хотел, чтобы меня прикончили в тёмном коридоре, как бешеную собаку, и бросили гнить в горящем доме. Ты даже не дал мне шанса. А я, знаешь ли, цену, когда мне дают шанс. Поэтому дам его тебе. Один. Только один.

Она вынула из рукава сложенный вчетверо пергамент — ту самую записку, что забрала у мёртвого Гарета, — и бросила на стол рядом с перстнем. Бумага развернулась, и барон увидел собственный почерк, собственную подпись, собственную печать. Улика. Неопровержимая. Он смотрел на неё, точно на змею, и лицо его посерело.

— Я могла бы убить тебя сразу, — продолжила она тем же ровным тоном. — Войти и перерезать горло. Но я хочу, чтобы ты понял. Хочу, чтобы ты знал, за что умираешь. Таков мой шанс. Понимание. Большого ты не заслужил.

Крейг облизнул пересохшие губы. Взгляд его заметался по комнате — дверь заперта, стража далеко; окно забрано решёткой, да и высоко; оружие на стене декоративное, бесполезное в драке. Он был в ловушке. В собственных покоях, в собственном замке, с собственной стражей за дверью — и всё равно в ловушке, из которой не было выхода.

— Ты не выйдешь отсюда живой, — сказал он, цепляясь за последнюю соломинку. — Убьёшь меня — и мои люди разорвут тебя на части. Ты не пройдёшь мимо стражи.

— Пройду, — спокойно ответила она. — Так же, как вошла. Твои люди не видели моего лица — они видели парик, пудру и серое платье. А когда я уйду, они увидят заплаканную просятельницу, которую барон грубо выставил за дверь. Или не увидят вовсе, если я воспользуюсь чёрным ходом. В таких замках всегда есть чёрный ход. Обычно — рядом с кухней. Я права?

Барон ничего не ответил, но желваки на его скулах заходили ходуном. Она была права. Чёрный ход существовал — старый, ещё с прошлой войны, когда замок осаждали соседи Крейга и слугам понадобился тайный лаз за водой. О нём знали немногие. Но она знала — потому что такие вещи въедаются в кровь наёмницы, как известь въедается в кости старых покойников.

Крейг вдруг выпрямился. Страх в его глазах сменился чем-то иным — отчаянной, лихорадочной хитростью, какая просыпается даже в самом жалком трусе, загнанном в угол. Он медленно, стараясь не делать резких движений, потянулся к шнурку колокольчика, что свисал у камина.

— Позволь хотя бы проститься по-человечески, — сказал он. — Я прикажу подать вина. Хорошего вина. Из моих личных запасов. Мы выпьем. Как цивилизованные люди. А потом... делай что должна.

Вир'эйн усмехнулась. Цивилизованные люди. Надо же.

— Что ж, — произнесла она, — я не против. Зови.

Барон дёрнул шнурок. Где-то в недрах замка зазвенел колокольчик. Прошло полминуты, затем другая, и наконец за дверью послышались торопливые шаги. Дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова давешнего управляющего — Олдвина Крипса.

— Ваше сиятельство?

— Вина, — приказал Крейг, и голос его звучал почти ровно, почти властно. Только рука, вцепившаяся в край стола, дрожала, как у пьяницы на похмелье. — Бутылку «Золотой лозы». И два кубка. Чистых. Самых лучших. Живо.

Олдвин скользнул по Вир'эйн быстрым, ничего не понимающим взглядом, но вопросов задавать не стал. Исчез. Шаги прошелестели по коридору и стихли. В комнате опять повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в камине и свистящим дыханием барона, который явно обдумывал следующий ход. Какой? Может, хотел подсыпать ей снотворное? Может, планировал напасть, когда она расслабится? А может, просто тянул время, надеясь, что Олдвин догадается позвать стражу.

— Ты был прав, — нарушила молчание Вир'эйн, проходя к столу и проводя пальцем по разбросанным бумагам. — Я бы выяснила. Рано или поздно. Но ты поторопился. Ты мог бы просто заплатить мне за молчание. Я беру плату за молчание, барон. Это один из моих тарифов. А теперь поздно.

— Никогда не поздно, — выдавил Крейг.

— Поздно, — повторила она безжалостно. — Мой тариф на молчание поднялся. Теперь он стоит твоей жизни. Инфляция. Ничего личного.

Дверь снова отворилась. Олдвин Крипс вплыл в комнату с подносом в руках — пузатая бутылка тёмного стекла с сургучной печатью на горлышке, два серебряных кубка, отполированных до зеркального блеска, и маленькое блюдо с ломтиками вяленого мяса. Он поставил поднос на край стола, бутылку откупорил с ловкостью человека, проделывавшего это тысячи

раз, и наполнил оба кубка до половины. Густое, тёмно-рубиновое вино пахло смородиной и дубовой корой.

— Свободен, — бросил барон.

Олдин поклонился и вышел, пятась спиной к двери, как того требовал этикет. Дверь закрылась. Они снова остались вдвоём.

Крейг взял свой кубок. Рука его дрожала, вино плескалось о серебряные края. Вир'эйн взяла свой — левой рукой, чтобы правая оставалась свободной, в дюйме от потайного кармана в рукаве. Она поднесла кубок к лицу, вдохнула аромат, но не выпила.

— Вино не отравлено, если ты об этом думаешь, — сказал барон с нервным смешком. — Я не настолько глуп. Ты бы учуяла.

— Учуяла бы, — согласилась она. — Но у меня всё равно есть правило: никогда не пить с теми, кто пытался меня убить. Ничего личного.

Она сделала вид, что подносит кубок к губам, и одновременно — одним неуловимым движением пальцев — смазала край своего кубка крошечной каплей густого бальзама, который хранился в перстне на левой руке. Противоядие широкого спектра — не панацея, но достаточно сильное, чтобы нейтрализовать «Поцелуй Утренней Звезды» при контакте. Она не собиралась пить из этого кубка, но рисковать не хотела. Слишком много случайностей. Слишком много непредвиденного.

Барон жадно выпил половину своей порции, явно надеясь, что алкоголь притупит страх. Вир'эйн шагнула ближе, и он, инстинктивно желая её задобрить, поднял свой кубок снова. И в этот самый миг, когда он запрокинул голову для нового глотка, она качнулась вперёд — якобы потеряв равновесие на скользком каменном полу, — и ухватилась за край стола. Правая рука её на мгновение нависла над его кубком. С кончика ногтя, спрятанного под накладным восковым коготком, сорвалась прозрачная, как слеза, капля.

Она упала в тёмно-рубиновую глубину и исчезла без следа. Ни запаха. Ни цвета. Ни привкуса.

— Прошу прощения, — сказала она, выпрямляясь. — Неровный пол.

Крейг ничего не заметил. Страх и вино сделали своё дело. Он выпил, даже не взглянув на кубок, и поставил его на стол с глухим стуком. Несколько мгновений ничего не происходило. Барон смотрел на неё — всё с той же смесью ужаса и надежды, которая постепенно уступала место недоумению. Почему она не убивает? Почему медлит?

А потом яд начал действовать.

Сперва он почувствовал холод. Не тот, что бывает от сквозняка, а внутренний, глубинный, зарождающийся где-то в желудке и расплзающийся по жилам ледяной паутиной. Потом скрутило пальцы. Крейг с изумлением уставился на собственную правую руку — фаланги сгибались, ломаясь, с тихим костяным хрустом, ногти впивались в ладонь, протыкая кожу, а он не мог остановить этот процесс. Боль пришла мгновением позже — ослепительная, всепоглощающая, стирающая мысли и оставляющая только животный, нечеловеческий крик.

Он закричал. Страшно, надрывно, брызгая слюной и остатками вина. Попытался встать, но спина вдруг сломалась — мышцы сократились с такой чудовищной силой, что позвоночник хрустнул в трёх местах одновременно. Крейг рухнул на пол, сворачиваясь в позу эмбриона, — точь-в-точь раздавленный паук. Рёбра ломались одно за другим, пробивая кожу изнутри. Кровь хлынула изо рта, смешиваясь с вином на камнях пола.

Вир'эйн стояла над ним и смотрела. Лицо её оставалось спокойным, почти бесстрастным. Только в глубине зелёных глаз плясали отблески каминного огня.

— Ты хотел знать, за что, — проговорила она негромко, опускаясь на корточки рядом с умирающим. — За предательство. За трусость. За шесть трупов в особняке Блэквуда, которые стали бы моим, если бы я оказалась чуть медлительнее. За то, что решил, будто можешь распорядиться чужой жизнью, как своей собственной. Ты не можешь. И никогда не мог.

Крейг захрипел. Глаза его выкатились из орбит, налились кровью. Он пытался что-то сказать, но вместо слов из горла вырывался лишь булькающий клёкот. Челюсть сжалась с такой силой, что зубы крошились, выпадая на каменный пол белыми осколками. Он умирал долго — дольше, чем она ожидала, — и всё это время она не отводила взгляда.

— Говорят, «Поцелуй Утренней Звезды» сохраняет сознание почти до самого конца, — добавила она задумчиво. — Так что ты всё слышишь и чувствуешь. Хорошо. Надеюсь, тебе больно, барон. Очень больно. Ты заслужил каждую секунду этой боли.

Когда всё закончилось, она поднялась и подошла к столу. Допила глоток вина из своего кубка — теперь уже можно, яд остался только в его бокале, — и оглядела комнату. На полу лежало скрюченное, изломанное тело, в котором едва угадывались человеческие очертания. В камине догорали дрова. За окном брезжил серый, промозглый рассвет.

Вир'эйн взяла со стола фамильный кошелек барона, тяжёлый, полный золота. Прихватила и его личную печать — маленький пресс с волчьей головой, которым он заверял приказы. Пригодится. Затем сняла парик, стёрла грим тыльной стороной ладони и бросила всё это в камин, где воск и конский волос занялись чадным, вонючим пламенем. Никаких улик. Никаких следов просительницы по имени Валери Корнвэй, которой никогда не существовало.

У двери она на мгновение задержалась и бросила последний взгляд на мёртвого барона.

— Шёпот, — сказала она в тишину. — Так говорят эльфы. Шёпот эльфийской стали. Ты не услышал. А надо было.

Дверь открылась и закрылась. В покоях воцарилась тишина, нарушаемая лишь шипением умирающих в камине углей.

Потайной ход обнаружился именно там, где она и предполагала, — за кладовой, примыкавшей к кухне. Узкая дверца, замаскированная под стенной шкаф, вела в круто уходящий вниз лаз. Пахло плесенью, крысиным помётом и вековой сыростью, просочившейся в камень, точно старческая влага в кости. Вир'эйн пригнулась и шагнула в темноту, прикрыв дверцу за собой. Замок остался позади — приземистый, угловатый, всё ещё спящий и не ведающий, что его хозяин уже никогда не проснётся.

Лаз вывел её к подножию скалы, в густой кустарник, росший у самой воды. Река здесь делала излучину, и течение было медленным, заросшим кувшинками. Над водой стелился туман — густой, молочно-белый, тот самый, что приходит перед рассветом и стирает все границы между землёй, небом и памятью. Вир'эйн выбралась наружу и остановилась, глубоко вдохнув холодный, пахнувший тиной и свободой воздух. Вдох за вдохом она сбрасывала с себя чужую личину — просительницу, вдову, убийцу. Оставалась просто Вир'эйн. Беззвучная Тень. Эльфийка с пепельными волосами, которой больше никто не мог указывать, где ей жить и как умирать.

Она двинулась вдоль реки, прочь от замка, прочь от города. Шла быстро, но не бежала — бег вызывает подозрение, а женщина, идущая ровным шагом по берегу в предрассветный час, никому не интересна. К тому же в такой час здесь не было ни души: только цапли, застывшие на мелководье, точно серые изваяния, да пара воронов, что уже кружили над замковыми башнями, чуя скорую падаль. Вороны знали. Вороны всегда знают первыми.

У каменного моста через Овражий ручей она остановилась, спустилась в русло и разобрала приваленный камнем тайник. Мешок оказался нетронут. Кольчуга, дорожный костюм, трофеи — всё на месте. Она быстро переделалась прямо там, под мостом, с облегчением сбрасывая серое платье, точно змеиную кожу. Привычная стальная чешуя кольчуги легла на плечи, плащ укрыл от ветра, капюшон скрыл лицо. Метательные ножи заняли свои места на поясе и в сапогах. Флакон из-под «Поцелуя Утренней Звезды», теперь пустой, она не выбросила — спрятала в потайной карман, на память. Или на случай, если понадобится снова. Хороший флакон. Жалко терять.

Серое платье она свернула в узел, привязала к нему камень и швырнула в ручей. Вода сомкнулась над ним, унося прочь последнюю улику. Круги разошлись и исчезли. Туман поглотил всплеск. Всё было кончено.

Конь ждал её там, где она его оставила, — в заброшенной овчарне на окраине Нижнего города. Гнедая кобыла трёх лет от роду, послушная и выносливая, купленная три дня назад у цыганского табора за смехотворную цену. Вир'эйн проверила подпругу, поправила седло, закинула мешок через круп. Кобыла всхрапнула, кося глазом, и переступила с ноги на ногу, но не заржала — хорошая лошадь, приученная не шуметь без нужды.

Она вывела её из овчарни, поднялась в седло и направила по заброшенному тракту, что вёл на восток, прочь от города, прочь от герцогства. Тракт зарос чертополохом, и камни под копытами позеленели от старости. Никто не ездил этой дорогой уже лет десять — с тех пор, как открыли новый торговый путь через перевал. Здесь было тихо, пусто и совершенно безопасно. То, что нужно.

Рассвет наконец прорвал серую пелену облаков, окрасив край неба в бледно-розовый, почти болезненный цвет. Птицы завели свою обычную перекличку — сперва робко, потом всё увереннее, точно пробуя голос после долгой ночи. Где-то вдалеке, на востоке, серебряной нитью блеснула река, уходящая в бесконечные леса эльфийских земель. Она не была там уже много лет. Возможно, стоило вернуться. Возможно, нет. Об этом она подумает завтра.

А сегодня — просто дорога. Просто холодный ветер в лицо. Просто свобода, купленная дорогой ценой.

Вир'эйн тронула поводья. Кобыла пошла шагом, унося её в туман, скрадывающий очертания мира — деревья, камни, старые вехи, — пока вокруг не осталось ничего, кроме белого безмолвия. Она не обернулась. Замок Крейгов исчез за спиной, как исчезает дурной сон с первыми лучами солнца. Остался только шёпот стали, убранной в ножны, да тихий стук копыт по мокрой траве. И ещё — имя, которое никто теперь не произнесёт вслух: Валери Корнвэй, женщина, которой не существовало.

Вир'эйн усмехнулась краешком губ и, не оборачиваясь, исчезла в утреннем тумане.

Глава 4. Стальной капкан

Порт-Ройал вонял. Вонял тухлой рыбой, протухшей водой в трюмах, дешёвым ромом, который моряки выплёвывали прямо на мостовую, и той особенной безысходностью, что пропитывает улицы, где каждый третий готов перерезать горло за медяк, а каждый второй — за косою взгляд. Вечер опускался на город, принося с моря липкий туман, и в этом тумане факелы казались не источником света, а жёлтыми бельмами на глазах слепого чудовища.

Вир'эйн кралась вдоль стены таверны «Гнилой парус», стараясь, чтобы босые ноги ступали бесшумно. Ей было тринадцать, и она не ела уже вторые сутки — с тех пор, как её вышвырнули из портовой кухни за украденную горбушку. Живот сводило голодной судорогой, перед глазами плыли круги, но зрение оставалось острым, по-эльфийски острым, и она давно заметила цель.

Высокий мужчина в тёмном плаще стоял у входа в таверну, лениво перебрасывая из руки в руку увесистый кошелёк. Одет неброско, но добротнo — такие носят золото не напоказ, а для дела. Лицо скрыто капюшоном, но по осанке, по плавным, текучим движениям Вир'эйн узнала своего. Эльф. Чистокровный. В Порт-Ройале такие — редкость, и к ним либо идут на поклон, либо обходят стороной. Она решила, что обойдёт стороной его карман.

Человеческая половина её крови требовала осторожности, эльфийская — быстрых пальцев. Вир'эйн пригнулась, скользнула в тень между бочками, выждала момент, когда незнакомец отвернулся, заглядывая в таверну, и метнулась вперёд. Рука её, тонкая и ловкая, нырнула к его поясу — пальцы уже сомкнулись на шёлковом шнурке кошелька, как вдруг мир перевернулся.

Чужая ладонь сомкнулась на её запястье с силой стального капкана. Вир'эйн рванулась, попыталась укусить, но её развернули, прижали спиной к стене, и холодное лезвие упёрлось ей в горло. Только теперь она поняла, что даже не заметила движения.

— Быстро, — произнёс незнакомец, и голос его оказался низким, с лёгкой хрипотцой, точно он говорил редко, но каждое слово взвешивал. — Но недостаточно быстро. Сколько тебе, дитя? Десять? Одиннадцать?

— Тринадцать, — выплюнула она, задрав подбородок. Страх не было — был голод, злость и холодная ярость на собственную глупость. — И отпусти, или я тебе руку до кости прогрызу.

Он не отпустил, но клинок убрал — легко, точно это была не сталь, а продолжение пальцев. Свободной рукой он откинул капюшон, и Вир'эйн увидела лицо, каких она не встречала с тех пор, как её выгнали из дома: острые скулы, пепельные волосы, собранные в тугий узел, и глаза — серые, точно зимнее море, с узким вертикальным зрачком. Эльф. Настоящий. Не такой, как она — полукровка с позорным клеймом человеческой крови, — а чистокровный, древний, от которого за версту веяло магией и смертью.

Он тоже разглядывал её. Разглядывал пристально, не мигая, и взгляд его скользил по лицу — по острым, слишком длинным для человека ушам, по зелёным глазам, по выступающим скулам.

— Полукровка, — произнёс он задумчиво. — И давно ты на улице?

— А тебе какое дело? — огрызнулась она, пытаясь вырвать руку. — Хочешь сдать страже — сдавай. Всё равно рано или поздно сдохну.

— Хочешь сдохнуть — иди к пирсу и прыгни в воду, — ровно ответил эльф, не ослабляя хватки. — Если же хочешь жить — возможно, я предложу тебе кое-что получше тюрьмы.

Вир'эйн замерла. Жить. Слово прозвучало чуждо, почти неприлично. Она смотрела на него, пытаясь понять, что скрывается за этим холодным, ничего не выражающим лицом. Ловушка? Извращённая шутка? Или...

— Ты... предлагаешь работу? — спросила она, понижая голос.

— Ученичество. — Он отпустил её запястье, и Вир'эйн, потирая руку, отступила на шаг, готовая бежать. — Меня зовут Рейвен. Я представляю гильдию, которая называется «Пепельный круг». Ты о ней вряд ли слышала. Мы не торгуем рыбой и не даём деньги в рост. Мы решаем проблемы. Те проблемы, которые не решаются словом.

— Убиваете, — выдохнула она, и в горле пересохло.

— Убиваем, — подтвердил он без тени смущения. — Но учим не только этому. Ядам, скрытности, чтению следов. Искусству оставаться в живых. Ты сейчас — загнанный зверёк, который подохнет через месяц от голода или ножа стражника. Я предлагаю тебе стать хищником.

Вир'эйн молчала. В голове проносились обрывки прошлого: презрение родни, побои, голодные ночи под заборами. Она ненавидела этот мир, но ещё сильнее ненавидела собственную слабость.

— А если я откажусь? — спросила она, поднимая подбородок.

Рейвен усмехнулся — впервые за весь разговор, и усмешка эта не коснулась его глаз.

— Тогда иди. Я не держу. Кошелёк ты украсть не смогла, так что сегодня останешься голодной. А завтра... завтра, возможно, тебя найдут в сточной канаве. Или не найдут.

Он развернулся и сделал шаг к таверне. Вир'эйн смотрела ему в спину, и в груди её боролись страх, гордость и отчаянное, звериное желание жить. Гордость проиграла.

— Стой! — крикнула она, догоняя. — Я... я согласна. Что нужно делать?

Рейвен остановился и, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Для начала — не задавать глупых вопросов. И не отставать.

Он толкнул дверь таверны, и Вир'эйн шагнула следом, ещё не зная, что пересекла черту, за которой прежней жизни уже не будет. Внутри пахло прокисшим пивом и жареным мясом, и где-то в этом запахе, как обещание, таился её первый урок. Рейвен не задержался в общем зале; он провёл её через прокуренное помещение к неприметной задней двери, и вот они уже шли через Порт-Ройал молча.

Рейвен двигался впереди — быстро, но не торопясь, тем особым эльфийским шагом, который не производит ни звука даже на булыжной мостовой. Вир'эйн семенила следом, то и дело спотыкаясь о выбоины, и проклинала свои босые, сбитые в кровь ноги. Городской шум постепенно стихал, сменяясь тишиной портовых складов, а затем и вовсе — глухой, вязкой тишиной трущоб, куда не заглядывали даже стражники.

Они остановились у неприметной двери в подворотне, зажатой между покосившимся пакгаузом и стеной, с которой осыпалась штукатурка. Дверь выглядела так, будто вела в заброшенный чулан, но Рейвен отпер её ключом — длинным, с затейливой бородкой, — и жестом приказал спускаться. Лестница уходила вниз, в темноту, и оттуда тянуло сыростью, плесенью и чем-то ещё. Чем-то металлическим, сладковатым, от чего у Вир'эйн свело желудок. Кровь. Она узнала этот запах ещё тогда, когда её мать умерла от чахотки, харкая красным в тряпки.

— Боишься? — спросил Рейвен, не оборачиваясь.

— Нет, — солгала она.

— Хорошо. Значит, научись. Страх — это просто ещё один инструмент. Если его не прятать, а использовать, он заостряет чувства лучше любого яда.

Подвал, в который они спустились, оказался куда больше, чем можно было предположить снаружи. Низкий сводчатый потолок, почерневший от копоти. Вдоль стен — стеллажи, уставленные склянками, бутылками, пучками сушёных трав и стеклянными банками, в которых плавало что-то мутное и неподвижное. Посередине — длинный деревянный стол, иссечённый ножами, с бурыми пятнами, которые не брала никакая щёлочь. У дальней стены, на вбитых в камень крючьях, висело оружие: клинки, кинжалы, гарроты, метательные звёзды и что-то, похожее на серп с зазубренным лезвием.

У стола стояли двое. Первый — здоровенный детина с бычьей шеей и руками, похожими на окорока, затянутыми в промасленную кожу. Лицо его пересекал старый шрам, делавший улыбку вечной и кривой. Второй — женщина, худая, как жердь, с коротко стриженными чёрными волосами и глазами, которые смотрели на Вир'эйн с ленивым, почти кошачьим любопытством. Оба были людьми, и оба носили на поясах клинки, явно знавшие не одну шею.

— Это ещё что? — прогудел детина, кивая на Вир'эйн. — Рейвен, ты, часом, не спутал гильдию с сиротским приютом?

— Заткнись, Коготь, — бросила женщина, продолжая разглядывать девочку. — Не видишь? Уши. Полукровка. Рейвен нашёл себе щенка.

— Я нашёл себе ученицу, — поправил Рейвен, снимая плащ и вешая его на крюк у входа. — Это решит Совет, но я уже решил. Её зовут... — он обернулся к Вир'эйн, впервые за всё время осознав, что не спросил её имени.

— Вир'эйн, — сказала она тихо, но твёрдо. — Меня зовут Вир'эйн.

— Вир'эйн, — повторил он, пробуя имя на вкус. — На старом наречии — «тихий клинок». Подходит. — Он повернулся к остальным. — Это Коготь. Он учит ближнему бою. А это Пятнистая. Она отвечает за яды и алхимию. Если выживешь, они станут твоими наставниками. Если нет — твоё тело выбросят в море, и никто не вспомнит.

Пятнистая подошла ближе, присела перед Вир'эйн на корточки и взяла её за подбородок, поворачивая лицо к свету. Пальцы у неё были холодные и пахли горьким миндалём.

— Худая. Запущенная. Следы побоев, старые и свежие. Но мышцы жилистые, глаза ясные. — Она заглянула Вир'эйн в рот, осмотрела зубы, потом оттянула веко. — Кровь сильная, эльфийская перебивает человеческую. Может, и выживет. Если не сломается в первую неделю.

— Я не сломаюсь, — выпалила Вир'эйн и сама удивилась, как твёрдо прозвучал её голос.

— Все так говорят, — усмехнулся Коготь, поигрывая ножом. — А потом орут и молят о пощаде. Ты, эльфочка, хоть знаешь, куда попала?

— Рейвен сказал. Гильдия. «Пепельный круг». Вы убиваете.

— Мы решаем проблемы, — поправила Пятнистая, поднимаясь. — Смерть — это просто самый надёжный способ решения. Но ты права. В основном — убиваем. За деньги. Иногда за информацию. Иногда — потому что так велит Совет. И если ты хочешь здесь остаться, тебе придётся научиться убивать тоже. Или стать мёртвой. Третьего не дано.

Рейвен достал из ножен кинжал — простой, без украшений, с клинком, потемневшим от времени и крови, — и протянул его Вир'эйн рукоятью вперёд.

— Возьми.

Она взяла. Кинжал оказался тяжелее, чем выглядел, и рукоять, обмотанная потрескавшейся кожей, легла в ладонь непривычно, чуждо.

— Это твой первый инструмент, — сказал Рейвен. — Не игрушка. Не украшение. Инструмент. Ты будешь носить его с собой всегда. Спать с ним. Есть с ним. Мыться с ним. Через месяц ты забудешь, что у тебя есть пальцы, и будешь помнить только клинок. А теперь — урок первый.

Он кивнул Когтю. Тот шагнул к Вир'эйн, занося руку, и прежде чем она успела что-то понять, тяжёлая ладонь обрушилась ей на лицо. Удар был такой силы, что девочку отбросило к стене. Из рассечённой губы хлынула кровь, в голове зазвенело, перед глазами поплыли круги.

— Урок первый, — повторил Рейвен, подходя ближе и глядя на неё сверху вниз. — Никто не будет ждать, пока ты пригодишься. Никто не даст тебе времени. Враг бьёт без предупреждения. Если хочешь жить — учись видеть удар до того, как он нанесён. Поднимайся.

Вир'эйн сплюнула кровь на каменный пол и встала. Ноги дрожали, губа горела, но она смотрела прямо в серые глаза Рейвена и видела в них не жестокость — холодный, расчётливый интерес.

— Ещё, — сказала она.

Коготь хмыкнул. Пятнистая чуть приподняла бровь. Рейвен молчал, глядя на девочку с кинжалом в трясущейся руке, и в глубине его зрачков промелькнуло что-то, похожее на одобрение.

— На сегодня хватит, — вымолвил он наконец. — Пятнистая покажет тебе твой угол. Завтра начнём обучение. Настоящее. И запомни: отсюда не уходят. Отсюда либо выходят на задание, либо не выходят вообще. Ты поняла?

— Поняла, — ответила она, вытирая кровь с подбородка.

— Тогда добро пожаловать в «Пепельный круг», Вир'эйн. Добро пожаловать домой.

Он отвернулся, потеряв к ней всякий интерес, а Пятнистая, усмехнувшись каким-то своим мыслям, повела её в тёмный угол подвала, где стоял тощий соломенный тюфяк и миска с водой. Дом. Она не знала, что значит это слово. Но этот сырой подвал, пропахший смертью и алхимией, уже дал ей больше, чем улицы Порт-Ройала за все тринадцать лет. Он дал ей шанс.

Вир'эйн легла на тюфяк, сжимая кинжал обеими руками, и устала в низкий каменный потолок. Спать не хотелось. Губа саднила, голова гудела, но внутри, под рёбрами, разгоралось что-то новое — не страх, не злость, а тихое, упрямое пламя. Она выживет. Она станет хищником. Чего бы это ни стоило.

А потом начались месяцы, которые текли не по календарю, а по шрамам. К концу первого Вир'эйн перестала считать синяки — они слились в сплошную карту боли, покрывавшую рёбра, плечи, бедра. К концу третьего она научилась отличать боль полезную от боли бесполезной. Полезная учила. Бесполезная просто напоминала, что ты ещё жив. К концу шестого она перестала быть ребёнком.

Подвал под пакгаузом за это время стал ей домом больше, чем любое из мест, где она ночевала раньше. Она знала каждую трещину в камне, каждый запах — от едкой алхимической вони из угла Пятнистой до металлической крови, которой Коготь щедро орошал тренировочные маты. Знала она и вкус ядов. Пятнистая приучила её пробовать разведённые настойки на кончике языка — сперва сонные травы, от которых немели губы, потом парализаторы, от которых сводило челюсть, и наконец боевые токсины, один глоток которых убивал человека за полсотни ударов сердца. Противоядия она учила наизусть, как другие дети учат молитвы. Коготь вбивал в неё боевые стойки до тех пор, пока мышцы не начинали двигаться быстрее мысли. Рейвен учил главному: ждать. Ждать часами в неподвижности, пока тело не начинало кричать от судорог, а разум — шептать предательское «хватит». А потом ждать ещё.

Но сегодня урок должен был стать особенным. Она поняла это сразу, едва спустилась по лестнице и увидела, что все трое уже здесь. Коготь стоял, скрестив руки на груди. Пятнистая сидела на краю стола, покачивая ногой. Рейвен — в центре, прямой, как клинок, с неизменным холодным спокойствием на остром лице.

— Полгода, — произнёс он вместо приветствия. — Ты больше не та голодная дворняжка, что пыталась срезать мой кошелёк. Твои мышцы помнят удары. Твой язык знает двадцать три яда и двенадцать противоядий. Твои уши слышат, как скрипит половица за три комнаты. Но есть разница между умением и искусством. Сегодня ты её перешагнёшь. Или умрёшь.

Вир'эйн молча кивнула. За полгода она усвоила: вопросы тратят воздух, а воздух нужен, чтобы дышать. Дышать нужно, чтобы жить. Жить нужно, чтобы однажды отомстить всем, кто когда-либо считал её слабой.

Пятнистая спрыгнула со стола и подошла к ней, держа в руке полоску чёрной ткани — плотной, не пропускающей ни лучика света.

— Испытание простое, — сказала она, обматывая ткань вокруг головы Вир'эйн, закрывая ей глаза. — Мы спрятали в подвале три колокольчика. Ты должна найти их все, не задев ни одной сигнальной нити, и вернуться сюда. На всё про всё — время, пока догорит свеча. Если зазвонит хоть один колокольчик, если порвётся хоть одна нить, если ты не уложишься в срок

— ты провалилась. А провал в «Пепельном круге» означает одно: ты ещё не готова. Неготовых мы не держим.

— А что значит «не держим»? — спросила Вир'эйн, хотя уже знала ответ.

— Это значит, что Коготь перережет тебе горло, — буднично пояснила Пятнистая, затягивая узел на затылке. — В гильдии нет места слабым. Слабые опасны. Они проваливают заказы. Приводят стражу. Умирают под пытками и сдают имена. Поэтому если ты не готова — лучше умереть сейчас. Свои убьют чище.

— Логично, — прошептала Вир'эйн.

Тьма накрыла её плотным, удушливым одеялом. Не та тьма, что бывает ночью — с проблесками звёзд, с лунным серебром на воде. Нет, абсолютная тьма подвала, где нет окон, где факелы потушены, где каждый звук становится единственным проводником. Она осталась одна. Только холодный камень под босыми ступнями, только запах плесени и собственного пота, только собственное дыхание — слишком громкое, слишком частое, предательски выдающее её страх.

Она заставила себя замедлить дыхание. Вдох на четыре счёта. Задержка на два. Выдох на шесть. Сердце послушалось, забилося ровнее. Теперь слушать. Слушать так, как учил Рейвен, — не просто ушами, а всей кожей, костями, кончиками пальцев.

Подвал раскрылся перед ней звуковой картой. Где-то слева, в трёх шагах, капала вода — мерный, ритмичный звук, отбивающий секунды. Где-то справа тихонько потрескивал остывающий очаг, и запах золы подсказывал расстояние точнее, чем глаза. Прямо перед ней — она чувствовала это кожей лица — была натянута первая нить. Тонкая, как паутина, но прочная, как конский волос. Задень — и где-то зазвенит колокольчик, и всё будет кончено.

Она опустила на четвереньки и поползла, ощупывая пальцами камни. Каждый дюйм — проверка. Каждый выдох — риск. Пот заливал лицо под повязкой, но она ползла, пока не почувствовала, что нить осталась позади, над спиной.

Первый колокольчик она нашла у дальней стены, там, где стеллажи с ядами. Учужала его по запаху металла — крошечный, медный, подвешенный на крючке. Она сняла его, не издав ни звука, и прицепила к поясу. Два шага влево — и пальцы нащупали вторую нить, натянутую на уровне лодыжек. Вир'эйн перешагнула её, балансируя на одной ноге, и в этот момент услышала шорох. Не Когтя — тот никогда не двигался так грузно. Пятнистая? Или Рейвен?

Шорох повторился. Кто-то крался вдоль стены, стараясь ступать бесшумно, но эльфийские уши слышали даже то, как скользит подошва по каменной крошке. Вир'эйн замерла, превратившись в камень. Они не предупреждали, что будут мешать. Значит, это часть испытания. Значит, найти колокольчики недостаточно — нужно пройти мимо наставников, не выдав себя.

Она выждала, пока шаги стихнут, и двинулась дальше, прижимаясь к стене. Ладони скользили по влажному камню. Второй колокольчик обнаружился у самого пола, прикрытый обрывком мешковины — она нашла его по лёгкому звону, который издал металл, когда рядом пробежала крыса. Пришлось задержать дыхание и замереть, пока грызун не исчез в щели. Затем — аккуратно, двумя пальцами — подцепить колокольчик и прижать к ладони, глуша его голос.

Третий висел прямо над лестницей, там, где она спустилась. И там же, судя по дыханию — глубокому, размеренному, с лёгким присвистом, — стоял Коготь. Он ждал. Перекрывал путь.

Вир'эйн присела у подножия лестницы и стала думать. Мысли текли ясно, холодно, словно она сама стала частью этой тьмы. Коготь был силен, но предсказуем. Рейвен учил: крупные бойцы всегда полагаются на мощь и редко проверяют пространство над головой. Она вдохнула, подобралась и, используя выступы камней как опору, полезла вверх по стене, цепляясь пальцами ног за малейшие неровности. Под самым потолком было темнее всего — даже если бы у Когтя горел факел, он бы не заметил.

Она проползла над ним, задержав дыхание, и увидела — не глазами, а кончиками пальцев — верёвку, на которой висел последний колокольчик. Секунда, чтобы перерезать её кинжалом и подхватить добычу. Ещё секунда, чтобы спуститься у него за спиной, в трёх дюймах от его сапог. Коготь чихнул. Она замерла. Он вытер нос рукавом и пробормотал ругательство. Она скользнула мимо, как тень, и уже через десять ударов сердца стояла там, где начался её путь.

— Свеча догорела на треть, — произнёс голос Рейвена из темноты. — Повязку можно снять.

Вир'эйн стянула ткань с лица и зажмурилась от неожиданно яркого света единственного факела, который наставник успел зажечь. У её ног лежали три колокольчика. Нити были целы. Коготь, развернувшись, смотрел на неё с тем особым выражением, какого она никогда раньше не видела, — с уважением.

— Она прошла у меня над головой, — сказал он медленно. — Я не услышал ни звука. Ни единого.

Пятнистая, сидевшая на столе с неизменной ухмылкой, подняла руки и изобразила беззвучные аплодисменты. Рейвен подошёл ближе и взял один колокольчик, взвесил на ладони, затем вернул на место.

— Беззвучно, — сказал он. — Как падающий снег. Как тень в полдень. Когда я встретил тебя, ты была просто Вир'эйн — полукровка с острыми ушами и острым языком. Теперь... теперь ты заслужила имя.

Он положил руку ей на плечо — жест, которого не позволял себе никогда прежде.

— С этого дня ты — Тень. Беззвучная Тень. Носи это имя как клинок. И помни: тень не убивает. Тень не предаёт. Тень просто скользит за целью, пока не придёт время. И когда это время приходит — цель падает, не успев услышать шёпота.

Вир'эйн — теперь уже Тень — смотрела на трёх убийц, стоящих перед ней, и в груди её разрасталось странное, давно забытое чувство. Не радость. Не гордость. Скорее, спокойная, уверенная сытость, как у зверя, загнавшего первую дичь. Она больше не была слабой. Она больше не была жертвой. Она стала хищником, и хищник этот имел имя.

— Урок окончен? — спросила она ровным голосом.

— Урок, — ответил Рейвен, и в серых глазах его блеснуло что-то похожее на довольство, — только начинается. Теперь ты готова к настоящему заданию. Завтра я покажу тебе твою первую цель.

Он развернулся и пошёл к лестнице. Пятнистая подмигнула Вир'эйн и отправилась следом. Коготь хлопнул её по плечу — почти ласково, если забыть, что эта же ладонь ломала ей рёбра месяц назад.

— Добро пожаловать в семью, Тень, — прогудел он и, усмехнувшись, исчез в темноте.

Вир'эйн осталась одна в подвале, сжимая в руке окровавленную повязку. Семья. Странное слово для места, где её учили убивать. Но она знала: отсюда не уходят. Отсюда выходят на задание. И скоро она выйдет. Беззвучно. Как тень. Как её новое имя.

Глава 5. Пепельный венец

И действительно, на следующий день Рейвен объявил, что она готова к первому самостоятельному делу. Настоящее имя купца было Эдвин Марлоу, но в гильдии его называли просто «цель номер четыре». Четвёртый — потому что три предыдущих заказа Вир'эйн провалила бы, если бы не надзор Рейвена: там были пьяные драчуны, которых она валила ударом в печень, и один мелкий ростовщик, которого она душила шёлковым шнурком, пока Коготь держал дверь. Но четвёртый — первый настоящий. Первый, на который она пойдёт одна. Первый, за который Совет заплатит полновесным золотом, а не подачкой на похлёбку. Первый, после которого она окончательно перестанет быть ученицей и станет убийцей.

Рейвен изложил задание в своей обычной манере — коротко, сухо, точно зачитывал список покупок мяснику.

— Марлоу. Торгует специями и тканями. Склад в Верхнем городе, контора в Нижнем, дом у Восточных ворот. Женат, двое детей, одна любовница в порту. По четвергам остаётся в конторе до полуночи — сводит бухгалтерские книги. Сегодня четверг. Охрана: двое сторожей у входа, старые наёмники, оба пьют. Окно кабинета выходит в переулок, засов ржавый, открывается снаружи ножом. Вопросы?

— Как именно его убрать? — спросила Вир'эйн. Голос её звучал ровно, но внутри натянулась струна — та самая, что всегда звенела перед опасностью.

— На твоё усмотрение. — Рейвен бросил на стол кинжал, с которым она не расставалась полгода. — Яд, клинок, несчастный случай. Совету всё равно. Важно одно: Марлоу должен умереть сегодня. Не завтра. Не через неделю. Сегодня. Если ты не справишься — заказ уйдёт Когтю, а ты вернёшься к чистке котлов. Если справишься — получишь свою долю и право носить знак гильдии открыто. Всё ясно?

— Ясно.

Вир'эйн взяла кинжал, проверила лезвие пальцем и сунула в ножны на поясе. Затем подошла к столу Пятнистой и выбрала крошечный флакон с бесцветной жидкостью — «Сонная слеза», яд, который убивает без крика, просто останавливая сердце посреди вдоха. Жертва засыпает и не просыпается. Чисто. Милосердно. Пятнистая говорила, что этот яд — для тех, кого убиваешь без ненависти. Вир'эйн тогда не поняла, что это значит. Теперь, стоя у порога с флаконом в рукаве, она всё ещё не понимала.

Вечерний город встретил её сырым ветром с моря. Факелы на улицах уже зажгли, и в их дрожащем свете лужи казались разлитым маслом. Она шла быстро, держась теней, и привычно считала шаги, повороты, окна, лица. Контора Марлоу располагалась в двухэтажном каменном доме, зажатом между булочной и складом шерсти. Окно кабинета действительно выходило в переулок — узкий, заваленный мусором, пропахший кошачьей мочой. Вир'эйн встала у стены, сливаясь с темнотой, и стала ждать.

Ждать она умела.

Сперва из конторы вышел писец — тощий юноша в заляпанном чернилами камзоле. Потом — сторож, который обошёл здание по кругу, зевнул и скрылся внутри. Потом погасли свечи в нижних окнах. Осталось только одно — на втором этаже, где желтоватый огонёк рисовал на стекле силуэт склонённой над столом головы. Марлоу работал.

Она выждала ещё четверть часа, пока луна не скрылась за тучами, и полезла. Камни были скользкими от сырости, но пальцы помнили каждую выбоину — Коготь гонял её по отвесным стенам десятки раз, и теперь она взбиралась так же легко, как другие ходят по лестницам. У окна она замерла, заглянула внутрь. Купец сидел спиной к ней, склонившись над гроссбухом. Плечи опущены, дыхание ровное — усталый человек, погружённый в цифры.

Вир'эйн достала нож, подцепила ржавый засов, поддела. Тот подался с тихим, едва слышимым скрипом. Ещё мгновение — и окно приоткрылось. Она скользнула внутрь бесшумно, точно струйка дыма, и приземлилась на ковёр в трёх шагах за спиной купца. Флакон уже был в руке, пробка вынута, капля яда дрожала на кончике пальца — достаточно коснуться шеи, и всё будет кончено.

И тут Марлоу обернулся.

Это вышло случайно — он просто потянулся за песочницей, чтобы присыпать чернила, и увидел её. Глаза его расширились, рот приоткрылся для крика, но крик застрял в горле, когда он разглядел её лицо. Не лицо убийцы — нет. Лицо девочки, которую он когда-то знал.

— Вир'эйн? — выдохнул он, и имя это ударило её сильнее, чем любой клинок. — Святые угодники... Вир'эйн, это ты?

Она замерла. Рука с ядом повисла в воздухе. Он знал её имя. Знал её. Откуда? Лицо его поплыло перед глазами, и вдруг она вспомнила. Не его — её. Свою единственную подругу из прошлой жизни, из того мира, где ещё были живы мать, дом, надежда. Лиана. Дочь купца. Они играли вместе в саду, строили замки из песка, клялись в вечной дружбе. И её отец — тот самый человек, который сейчас сидел перед ней, бледный, испуганный, узнавший её.

— Ты дочь Элианы, — прошептал Марлоу, и в его глазах мелькнуло что-то, чего она не ожидала — не страх смерти, а жалость. — Я думал, ты умерла. После того, как твою мать... Мы искали тебя. Лиана плакала месяц. Где ты была? Что с тобой стало?

Что с ней стало? Хороший вопрос. Она стала тенью. Стала клинком. Стала смертью, которая пришла за ним в эту ночь. И всё, чему её учили полгода, — холод, безразличие, умение отделять клинок от сердца, — всё это вдруг треснуло, как лёд под сапогом.

— Не надо, — сказала она хрипло. Не ему — себе. — Не надо меня узнавать.

— Ты пришла меня убить? — Марлоу смотрел на флакон в её руке, и лицо его серело, но он не кричал, не звал стражу. — За что? Кто тебя послал?

— Гильдия, — выдохнула она, и слова давались тяжелее, чем яд, что капал с её пальца. — «Пепельный круг». Вы кому-то перешли дорогу. Я не знаю кому. Мне дали заказ. Я должна... я обязана...

— Обязана? — переспросил он, и в его голосе прозвенела горечь. — Ты обязана убить отца своей подруги? Человека, который держал тебя на руках, когда тебе было три года? Ты помнишь, как мы вместе запускали воздушного змея? Ты помнишь...

— Замолчи!

Она отшатнулась, ударилась спиной о книжный шкаф, и книги посыпались на пол. Грохот. Сейчас прибежит стража. Сейчас всё будет кончено. Но никто не пришёл. Только свеча на столе мигала, отбрасывая на стены кривые тени, и купец смотрел на неё — не с ненавистью, а с тем самым проклятым пониманием, от которого её тошнило.

— Ты не убийца, Вир'эйн, — сказал он тихо. — Ты просто заблудилась. Ещё не поздно уйти. Бросить это всё. Я помогу тебе. Дам денег. Спрячу. Лиана будет счастлива...

— Лиана считает меня мёртвой, — перебила она, и в горле застрял ком. — Так будет лучше. Для неё. Для всех.

Она вскинула руку с флаконом, и Марлоу закрыл глаза. Он не сопротивлялся. Просто сидел и ждал, и от этого было в сто раз хуже. Вир'эйн смотрела на него — на седые виски, на усталые складки у рта, на пальцы, сжимавшие край стола, — и видела не цель. Видела отца. Не своего — чужого. Но всё равно отца.

— Я не могу, — прошептала она и опустила руку. — Не могу.

Марлоу открыл глаза. В них блеснули слёзы.

— Тогда уходи. Уходи сейчас же. Я никому не скажу. Клянусь.

— Вы не понимаете. — Она отёрла лоб тыльной стороной ладони, размазывая пот и копоть. — Если я не выполню заказ, они пришлют другого. Когтя. Или Пятнистую. Или самого

Рейвена. Они убьют вас. И вашу жену. И ваших детей. Вы думаете, гильдия оставляет свидетелей? Вы думаете, я могу просто уйти — и всё закончится?

Марлоу побледнел. Теперь он понял.

— Что же делать? — спросил он беспомощно.

Вир'эйн прикрыла глаза. Мысли неслись, холодные, быстрые, точно гонимые ветром льдины. Рейвен учил: нет безвыходных положений — есть недостаток информации. Ищи третий путь. Всегда ищи третий путь.

— Вы должны умереть, — сказала она, открывая глаза. — Но не по-настоящему.

— То есть?

— У меня есть яд, который имитирует смерть. — Она вытащила из потайного кармашка второй флакон, поменьше, с мутной опалесцирующей жидкостью. — «Летаргический туман». Пятнистая варит его для тех случаев, когда нужно инсценировать гибель. Сердце замедляется, дыхание пропадает, кожа холодеет. Вы будете выглядеть мёртвым ровно четыре часа. Потом очнётесь. Слабым, но живым. А я доложу гильдии, что заказ выполнен.

— Но они потребуют доказательств. — Марлоу уже приходил в себя, и в голосе его зазвучали деловые нотки. — Им нужно что-то, чтобы поверить.

Вир'эйн оглядела кабинет. Взгляд её упал на перстень на пальце купца — массивный золотой перстень с гравировкой в виде дубового листа. Семейная вещь. Узнаваемая.

— Отдайте это. Я скажу, что сняла с трупа.

Марлоу стянул перстень и протянул ей. Пальцы их соприкоснулись — его, тёплые, живые, и её, холодные, как лёд.

— А потом? — спросил он. — Что будет с нами потом?

— Вы исчезнете. Сегодня же. Соберёте семью и уедете туда, где вас не найдут. В соседнее герцогство. В империю. Куда угодно. Начнёте новую жизнь под другим именем. И никогда, слышите, никогда не возвращайтесь.

Он кивнул. Потом вдруг поднялся — медленно, чтобы не испугать её резким движением, — и взял её за плечи.

— Спасибо, — сказал он просто. — Лиана была права. Ты хороший человек, Вир'эйн.

— Я не человек, — ответила она, высвобождаясь. — Я тень. Идите. Времени мало.

Она влила ему в рот мутную жидкость из второго флакона. Марлоу сделал глоток, поморщился и почти сразу обмяк. Кожа его начала бледнеть, дыхание замедлилось, остановилось. Вир'эйн подхватила тело, уложила на ковёр, придала позу спящего. Проверила пульс на шее — едва заметный, слабый, но был. Четыре часа. За четыре часа она успеет доложить гильдии, получить деньги и вернуться, чтобы убедиться, что он очнулся. Или не вернуться. Она ещё не решила.

Она вылезла в окно, спустилась по стене и растворилась в переулке. В руке она сжимала перстень с дубовым листом — холодный, чужой, пахнувший чернилами и старой бумагой. В голове звучали слова Марлоу: «Ты хороший человек». Нет. Хорошие люди не носят яд в рукаве и кинжал за голенищем. Хорошие люди не приходят в ночи, чтобы убивать. Она была не хорошей. Она была тенью. Но даже тень может иногда пощадить. Иногда. Если очень захочет.

Подвал «Пепельного круга» встретил её тишиной и дымом факелов. Рейвен ждал у стола, скрестив руки на груди. Он ничего не сказал, только вопросительно поднял бровь.

Вир'эйн бросила перстень на стол. Тот звякнул, покрутился и замер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.